

Доктор Иваныч

**БУДНИ
СТАРОГО ПСИХИАТРА.
БАЙКИ О ПАЦИЕНТАХ
И НЕ ТОЛЬКО**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д63

Иваныч, Доктор.

Д63 Будни старого психиатра. Байки о пациентах и не только / Доктор Иваныч. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 352 с. («Звезда соцсети»)

ISBN 978-5-17-172607-2

«Будни старого психиатра. Байки о пациентах и не только» снова открывают дверь в мир врачебных историй, в котором все по-настоящему: и странно, и смешно, и порой до мурашек пронзительно.

На страницах этой книги — новые байки, свежие наблюдения, курьезные ситуации, которые не придумаешь нарочно. Автор не только рассказывает о пациентах и вызовах, с которыми сталкивается на сменах, но и заглядывает за кулисы профессии: здесь места хватило и коллегам, и неожиданным жизненным поворотам, и будням, которые иногда круче любого сценария.

Здесь все так, как вы любите: много юмора, живые диалоги, тонкое чувство иронии и особый авторский стиль, благодаря которому каждая история читается на одном дыхании.

«Будни старого психиатра» — это не просто сборник рассказов. Это разговор по душам. Легкий, умный и честный.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-172607-2

© Иваныч Д., текст, 2025.

© ООО «Издательство АСТ», 2025.

*Все персонажи и описываемые события
являются вымышленными.
Любые совпадения с реальностью случайны.*

Проделки лешего

Заметил, что мои смены очень часто выпадают в самую отвратительную погоду. Вот и теперь всего плюс шесть с утра, а днём потеплеет всего-то до минус одиннадцати. Пронзительный ветер брызжет в лицо холодным дождём и изо всех сил старается зонт из руки вырвать. До остановки идти совсем недалеко, однако этот путь напоминает полосу препятствий. Всё дело в том, что городская администрация затеяла глобальный ремонт тротуара. Казалось бы, это же хорошо: улица цивилизованный вид приобретёт и ходить будет приятно. Вот только ремонт этот ни конца ни края не имеет. Начался он в мае, а завершаться даже и не думает. Идти приходится по узким дощатым настилам, рискуя оступиться и измерить глубину грязи. Как ни старался идти поаккуратнее, а всё равно ботинки и брюки испачкал. Ну ничего, потом на работе почищу.

Сев в автобус, привычно дал водителю свою льготную проездную карту, но тот повёл себя неадекватно:

— Надоели вы, льготники! — зло сказал он. — С утра уже свои карточки суёте!

Сдержался я, не стал раздувать скандал. Думаю, плевать на тебя с высокой колокольни. Всю дорогу он гнал автобус как бешеный, обгоняя и подрезая других. А за одну остановку перед моей этот хам-лихач уже в более грубой форме накинулся на вошедшую пожилую женщину, тоже со льготной картой. Тут уж я не утерпел:

— Послушай, неуважаемый, я сейчас сдам тебя в полицию за мелкое хулиганство и в Департамент транспорта сообщу.

Весь свой запал он быстро утратил и проблеял:

— Нам же почти ничего не платят за льготников, выручка — копейки!

— А это не наши проблемы. Идите и высказывайте это руководству, но уж никак не нам, простым пассажирам.

После этого я спокойно доехал и вышел.

У входа в медицинский корпус не было никого. Ещё бы, в такую мерзопакостную погоду мало кто захочет на улице постоять без дела. Но тут дверь распахнулась, и две молоденьких девушки-фельдшера буквально врзались в меня.

— Куда это вы так разогнались? На срочный вызов, что ли? — спросил я.

— Нет, Настька на вызове ампулу от м***фина оставила! — ответила одна из них.

— А чё я-то сразу? Ты тоже про неё забыла!

— Так ведь ты же делала!

— Девушки, пока вы спорите, ваша ампула куда-нибудь исчезнет! — сказал я, и они быстренько усвистали в машину.

Эх, дети-дети, как же я вам завидую! Помню, меня в двадцать с небольшим все мальчиком называли. Ужасно болезненно это задевало, нестерпимо хотелось стать старше, солиднее. И с упорством, достойным лучшего применения, вёл я борьбу с соб-

ственной молодостью. А вот теперь ничего бы не пожалел, чтоб вернуть эту прекрасную весну жизни. Да куда там, её давно и след простыл.

Бригада, которую мы меняем, была на месте и сидела в «телевизионке».

— Приветствую, господа! Как дела, как настроение? — спросил я.

— Дела прекрасные, настроение гипоманиакальное! — ответил врач Анцыферов.

— О как, а с чего это вы в гипоманию-то ушли?

— Смена хорошая выдалась. Можно сказать, удалась. Например, была удачная реанимация, бабуле зачехлиться не дали. Да и вообще особо не гоняли, ночью поспали хорошо. Иваныч, слышал, в четвёртой смене Бобров с Власовым на «общак»¹ ушли?

— А что им не работалось-то, они же сто лет на психбригаде? Может, «попросили»?

— Не, сами ушли. Сказали, что надоели соматические вызовы.

— Ничего не понял, надоела соматика, а на «общаке» чего же будет? Психиатрия, что ли? Ерунда какая-то.

— Они говорят, что двойную работу приходилось делать: психиатрические и соматические вызовы обслуживать.

— Да всё равно это глупое решение. Я вообще не понимаю, как можно добровольно лишиться доплаты и большого отпуска.

— Ты не понял, Иваныч, это такая форма протеста!

— Ну да, хорош протест, назло бабушке уши отморозили.

Старший врач Галина Владимировна, отработав три смены, ушла на больничный. Замещал её врач Вихрев. По тому, как он докладывал оперативную

¹ Общак (мед. сленг) — общепрофильная бригада.

обстановку, было заметно, что не в своей он тарелке, не по душе ему эта работа. Начал он почему-то не со смертей, а с инфарктов.

— Подождите, Борис Витальевич, — сказала начмед Надежда Юрьевна. — Смертей у вас вообще не было?

— Были три смерти, сейчас я до них дойду.

— Я не поняла, а почему у вас все карточки вперемешку? Ведь есть специальные закладки, чтобы их распределить по группам.

— Да я не успел, зашился совсем.

— Понятно, значит, на конференцию вы пришли неподготовленным. Идите к себе и разбирайте, только побыстрей. Коллеги, пока Борис Витальевич готовится, скажу вам пару ласковых. Многие из вас забыли порядок оказания помощи при ОКС¹. Вопрос на засыпку: через какое время после прибытия должна быть сделана ЭКГ?

— Десять минут! — раздалось из зала. — А по-моему, семь!

— Не угадали вы ни одной буквы! Не позднее, чем через пять минут, запомните, пожалуйста! Если своей памяти не доверяете, то порядок лежит в кармашке около диспетчерской. Читайте его, говорят, помогает.

— Надежда Юрьевна, так мы должны врываться как спецназ, чтоб за пять минут успеть экзэгэшку снять? — спросил молодой фельдшер, фамилии которого я не знаю.

— Не надо никуда врываться. Просто делайте всё порасторопнее, без долгих прелюдий. В любом случае время в карточке должно стоять правильное.

¹ ОКС — острый коронарный синдром. Это собирательный диагноз, включающий в себя различные сердечные патологии, например, инфаркт миокарда и нестабильную стенокардию.

Ещё один момент. Очень многие, да почти все, неправильно определяют продолжительность болевого синдрома. Началом считается не возникновение боли, а её пик. Поэтому вы должны выяснять, с какого времени возникла самая сильная боль. Поймите, я это говорю не просто так. Эксперты страховых ко всему этому придираются, в августе три карточки оштрафовали. Ведь это же не чьи-то, а наши деньги!

— Андрей Ильич, ещё вчера вы должны были подготовить СОПы¹ по дезинфекции медизделий. Вы их написали? — обратился главный врач к главному фельдшеру.

— Пока нет, Игорь Геннадьевич. Постараюсь сегодня доделать.

— Вообще-то вам был дан пятидневный срок. У меня такое впечатление, что никакой санитарной обработки у нас вообще не проводится. Иначе вы не стали бы время тянуть.

— Ну как же, Игорь Геннадьевич, ведь всё дезинфицируется, а что положено — ещё и стерилизуется. И инструментарий, и маски ингаляторов, и дыхательные контуры.

— Так, а вот о дыхательных контурах поподробнее. Вы куда их деваете после дезинфекции?

— Как куда, в работу отдаём, — с недоумением ответил Андрей Ильич.

— Ох, ё! В какую работу? Вы что не в курсе, что они одноразовые? Теперь я не удивлюсь, если вы и использованные шприцы будете в работу отдавать!

— Я знаю, просто не хотел лишние деньги расходовать.

— Причём тут деньги, Андрей Ильич? Разве я когда-нибудь отказал в закупке чего-то нужного?

¹ СОП — стандартная операционная процедура. Это краткая, пошаговая инструкция по выполнению определённых действий.

Вернувшийся старший врач был готов к докладу и терпеливо ждал окончания диалога.

— Борис Витальевич, пойдёмте, у меня доложите, — сказал ему главный врач. — Не будем у коллег отнимать время. Всё, всем спасибо!

Пока мы были на конференции, наших предшественников на вызов дёрнули. А это означало, что вновь нам предстояло приятное законное безделье. Но, по правде говоря, выдёргивать спецбригаду за какие-то минуты до конца смены — это безобразие полное. Интеллигентно выражаясь, вопиюще нерациональное использование рабочего времени. Получается, что одни перерабатывают, а другие, наоборот, дурака валяют. Хотя справедливости ради надо признать, что такое происходит в основном с бригадой Анцыферова. У него свои непростые отношения с диспетчером, а старший врач делает вид, что всё хорошо.

Около девяти вернулись они наконец-то.

— Ну что, куда вас вызывали-то? — поинтересовался я.

— Иваныч, это был не вызов! Это нам в душу на***али!

— И кто же автор этой с***льни?

— Кто... Как будто сам не знаешь, Любка, конечно! Я-то думал она исправилась, кобыла <долбаная>! Понос нам дала у сорокалетней бабы. Это что, <распутная женщина>, экстренный вызов? Она бы до смерти, что ли, ***ристалась, если бы лишние полчаса подождала? Да ещё, как назло, собиралась минут сорок, как будто на курорт, а не в «инфекцию». Потом в приемнике врача ждали долго. Нет, если б вызов был действительно срочным, я бы слова не сказал. Но понос — это уже форменное издевательство!

— Александр Сергеич, что ни говори, а Люба на тебя точно глаз положила. Вы же с ней люди свободные, можете и сблизиться!

— Вот ты, Иваныч, сводник! Нет уж, не надо мне такой близости, мы же с ней поубиваем друг друга к <такой-то> матери! Всё, ладно, пошёл я наркоту сдавать.

В начале десятого пришёл и наш черёд на вызов ехать: головная боль, теряет сознание мужчина сорока двух лет.

Открыл нам подросток лет пятнадцати с испуганным лицом и сходу выпалил:

— У меня отец умирает! Он упал и встать не может!

Больной, крупный крепкий мужчина с короткой стрижкой, одетый в полицейскую форму, лежал на полу около дивана. Хорошо, что на боку, а то бы запросто мог рвотными массами захлебнуться.

— Что случилось? — спросил я и аккуратно потормошил за плечо. — Вы слышите меня? Что случилось?

— ...Голова... Голова болит... — не сразу ответил он и тут же стал судорожно напрягаться в рвотных позывах.

Поскольку больной находился в оглушённом состоянии, я начал расспрашивать его сына:

— Давай-ка поподробнее, как всё получилось?

— Он закричал, что голова болит, присел на корточки и потом упал.

— Раньше у него были головные боли?

— Да, голова и шея болели, мать ему какие-то таблетки давала.

Хоть и с трудом, но больного всё-таки по пояс раздели. После этого сразу начал я искать патологическую неврологическую симптоматику. И, к огромному сожалению, нашёл. Имелись у него так называемые «менингеальные знаки», говорящие о раздражении мозговых оболочек. Затылочные мышцы были ригидными, то есть тугоподвижными и болез-

ненными. Наличествовали положительный симптом Кернига¹, а также верхний² и лобковый³ симптом Брудзинского. Давление было сто семьдесят на девяносто, но сопутствовала ему брадикардия, то есть урежение сердечного ритма.

Мой мысленный диагностический поиск выдал лишь один вариант: субарахноидальное кровоизлияние. Это одна из разновидностей геморрагического инсульта, при котором кровь изливается под паутинную оболочку головного мозга. Что касается прогноза, то на догоспитальном этапе трудно сказать что-то внятное.

Всю положенную помощь мы оказали и свезли больного в нейрососудистое отделение, где мой диагноз полностью подтвердился.

Следующим вызовом была попытка с***цида мужчиной двадцати семи лет.

У подъезда нас встречала женщина с интеллигентной внешностью:

— Здравствуйте! Я специально вышла, чтоб при нём не разговаривать.

— А вы кем ему приходитеесь?

— Мать. Давайте я по порядку всё расскажу. Он уже вторую неделю какой-то непонятный. Испуганный, потерянный. И знаете, у него такой вид, как будто с кем-то ведёт внутренний диалог. Мы пытались с ним поговорить откровенно, узнать, что произошло, а он какими-то намёками, обрывками отвечает. В общем, ничего непонятно.

¹ Симптом Кернига: сгибаем ногу больного под прямым углом в тазобедренном и коленном суставах. Затем пытаемся разогнуть только коленный сустав, но из-за боли это не получается.

² Верхний симптом Брудзинского: при наклоне головы больного, его ноги, помимо воли, подводятся к животу.

³ Лобковый симптом Брудзинского: при надавливании на лобок, ноги так же подводятся к животу.

— Ну а сегодня что случилось?

— Мы с мужем утром ходили в стоматологию, вернулись, он в ванну зашёл, и тут же выскочил оттуда. Говорит: «Маша, иди смотри, Тёмка петлю приготовил! Наверно, повеситься хотел!» Мы сразу давай спрашивать, мол, Артём, скажи, это что значит? Что ты задумал? А он ухмыльнулся и говорит: «Ну вы же сами всё знаете и понимаете. Вы всё подстроили, а теперь прикидываетесь». Короче говоря, ничего непонятно.

— А раньше у него были какие-то странности?

— Ой, какой больной вопрос вы задали... Были, конечно. Он с детства не такой, как все. Замкнутый, необщительный, подозрительный. Со сверстниками отношения никогда не складывались. Мы надеялись, что постарше будет и всё наладится. А вот видите, как получилось... Обзаводиться своей семьёй не хочет, даже и не думает об этом. Работать не может, потому что ни с каким коллективом не уживается. В общем, из маленького ребёнка вырос большой ребёнок. Так вот и нянчимся. Я вас очень прошу, увезите его в больницу! Иначе он точно чего-нибудь натворит. Может, подлечат его.

Больной, невысокий, худенький, выглядел намного моложе своих лет и был похож на мальчишку-подростка. Он сидел за письменным столом, усыпанным небольшими камушками, перебирая их и внимательно разглядывая.

— Здравствуйте, Артём! Чем занимаетесь?

— Коллекцию пересматриваю, — тихо ответил он, не отрывая взгляда от камней и не проявляя к нам абсолютно никакого интереса.

— Ваша коллекция как-то систематизирована, например, по видам минералов?

— Ну как... У меня своя система, я не знаю, как вам объяснить. Я с детства их собираю и названия-

ми не интересуюсь. Например, я вижу камушек и чувствую: ага, от него позитив исходит, значит, беру.

— Всё ясно. А как вы думаете, зачем мы к вам приехали?

— Не знаю, низачем.

— Ладно, тогда спрошу напрямую: для чего вы приготовили петлю?

— Для того, чтоб повеситься, — сказал он так просто, будто собирался всего лишь зубы почистить.

— А почему вы хотели с жизнью расстаться? Что произошло?

— Ничего не происходило. Просто вот тут верёвка лежала, а это означает, что я должен повеситься.

— Артём, но ведь верёвку можно и для других целей использовать. Например, бельё повесить.

— Ну вы же сами сказали, что верёвку используют, чтобы вешать. А вешать и вешаться — какая разница?

— Всё, проехали. Артём, а у вас в голове происходит что-то необычное?

— У меня то пусто совсем, ни одной мысли нет, а то сразу много. Если я их все не передумаю, они мне мозг взорвут.

— А в голове ничего постороннего нет? Например, чужих мыслей или разговоров?

— Мне чего-то говорят, но сразу память стирают, и я не помню, что сказали.

— Артём, а говорят где, в голове или снаружи?

— Не, всё в голове.

— А к окружающим людям как вы относитесь? Я имею в виду не родителей, а чужих людей.

— Я бы их всех поубивал.

— И за что же?

— За то, что шепчутся обо мне. Иду по улице, а они смотрят друг на друга и меня обсуждают. Это

же неправильно. Хочешь что-то сказать, скажи мне в глаза. Крысы, блин...

— Артём, в голове у вас ужасный беспорядок. Сам по себе он не пройдёт, тут нужно лечение. Поэтому собирайтесь, и поедем в больницу.

— Там народу много...

— Главное — начать лечение. Когда в голове всё наладится, то, поверьте, никакой народ вам будет нестрашен.

Артёма мы благополучно увезли в психиатрическую больницу. По всей видимости, здесь речь идёт о дебюте шизофрении. О её конкретных форме и типе пока сказать нечего, поскольку данных для этого нет и появятся они ещё очень нескоро. Шизофрения у Артёма вызрела на благодатной почве. Здесь имеются в виду его замкнутость, нелюдность, враждебное и недоверчивое отношение к окружающим. Кроме того, обращает на себя внимание странное коллекционирование камней. Точнее, его странный принцип, в основе которого лежит исходящий от камней позитив.

У Артёма имелись характерные нарушения мышления: пустота в голове сменялась невыносимым наплывом мыслей. Он очень ярко продемонстрировал паралогичность, то есть неправильную, «кривую» логику. Примером является его умозаключение о том, что раз на глаза попалась верёвка, то значит нужно повеситься. Готовясь к с***циду, он руководствовался не какими-то внутренними душевными причинами, а всего лишь формальным ложным поводом.

Еще были слуховые псевдогаллюцинации, выражавшиеся в неких голосах, что-то говорящих, но тут же стирающих о себе память. Ну и, наконец, бред тоже имел место. Если сказать точнее, то Артём высказал несистематизированные идеи отношения. По

его убеждению, поведение прохожих имело с ним самую непосредственную связь.

По поводу прогноза тоже нельзя сказать ничего определённого, но будем надеяться, что ремиссия наступит и будет стойкой.

После освобождения сразу следующий вызов дали: ДТП, сбит автомобилем мужчина сорока семи лет. Местом был двор жилого дома. Нет в этом ничего удивительного, это раньше тротуары и придомовые территории были безопасными. А теперь же они всё больше напоминают проезжую часть, хозяевами которой являются автомобилисты, а прохожие непонятно зачем ходят и мешают проезду.

Подъехали к пятиэтажке, и сразу нам замахали руками трое мужчин. Пострадавший лежал у них под ногами и, к счастью, был в сознании. Неподалёку стояла старенькая иномарка.

— Что случилось? — спросил я.

— Я парковался, а Серёга сзади подошёл, я его не заметил и сшиб, — виновато ответил один из мужчин.

— Да ты ему по ноге проехал! — сказал другой.

— А я что, нарочно, что ли? <Фигли> ты тут бровишь-то?

Только после этой перепалки я заметил, что все участники этой истории ощутимо поддаты.

— А гаишников вызвали? — поинтересовался я, хотя ответ был заранее известен.

— Не, командир, не надо никого! — взмолился виновник. — Меня прав лишат, а я водителем работаю. Куда я пойду, если работу потеряю? Я Серёге всё оплачу, не обижу!

— А если я не сообщу, тоже без работы останусь. Зачем мне это надо?

— Мужики, давайте я вам всем оплачу, скажите, сколько надо, и всё будет!

